
СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПРОЗА

Александр Викорук
(г. Москва)

ЛЮБОВЬ ОЛИГАРХОВ

Александр Владимирович Викорук родился в 1948 году. Окончил Московский энергетический институт и Литературный институт им. М. Горького (семинар Александра Рекемчука). Член Союза писателей. Автор философско-публицистической книги «Ковчег жизни». Печатался в различных журналах, газетах.

В середине августа в тихий час начальник детского оздоровительного лагеря отставной подполковник Сидоруха Иван Васильевич созвал дееспособную часть обслуживающего персонала и без долгих вступлений, рубанув воздух крепкой короткопалой рукой, проговорил тихо:

— Хозяева приняли решение... Рубикон перейден! В скором времени наш родной детский лагерь «Солнечный родник» будет продан на хрен олигархам. В соответствии с этим осенью все мы пойдем к такой-то матери. Предполагаю, все наши домики-теремочки пустят под бульдозер, понастроят замков-коттеджей и распродадут втридорога богатеям.

Электрик Петр Ефимонов, сидевший на первом ряду, в наступившей тишине почувал, как сексуальная волна зародилась в животе и утонула вниз, бередя плоть. Он подивился такой электрической реакции организма, затем погрузился в тягостную думу о том, что надо будет искать другой приработок, так как на одну пенсию долго не протянешь.

— Такая диспозиция,— прервал паузу начальник лагеря,— братья и сестры! — изрек, разведя руками, как будто обнимая присутствовавших, чем вверг всех в тихую тоску.

«Ну, теперь пойдет разврат!» — предположил Ефимонов и не ошибся.

На ужин в столовке через окно раздаточной видны были на кухне качающиеся фигуры, слышались всплески безудержного смеха, было разбито три тарелки.

Сидоруха к вечеру напился. Его жена-бухгалтер с подбитым глазом побежала в медпункт за примочками и подальше от гнева благоверного. Сам начальник стоял тучей на крыльце своего домика и смолил сигареты. Рядом дымила фигуристая шеп-повар, раздобревшая на обильных харчах. Потом они исчезли в директорских покоях

и предались усладе в море звуков древних битлов, музыка коих прорывалась на улицу через плотно закрытые окна.

«Исчезновение» наблюдал Петр своими глазами, когда закрыв дверь монтерской кладовки, направился к воротам мимо домика начальника. Сидоруха, метнув тлеющий огонек сигареты в урну, одной рукой открыл дверь в собственные апартаменты, а другой — звонко шлепнул по заднице повариху, придавая направление движения. Дверь закрылась, приглушив взрыв смеха.

Тропинка к дому лежала через мелкий лесок, просторный луг по берегу узкой вертлявой речки, мимо заброшенного карьера, а там — и тихая деревенька, где пятый дом от края, тот самый — родной. Мысли одолевали Петра тяжелые. Недобрые слухи о закрытии лагеря ходили с весны. Сократили дни заезда, с каждой сменой все меньше ребят привозили, говорили, что отменили дотации на оплату путевок, да и дети приезжали сущие оторвы. Самые наглые постарше курили за углами домиков. Мелюзга не слушалась воспитателей, стреляли вечерами из рогаток по фонарям. А директор потом выговаривал Петру. Как будто он мог вкрутить лампочки из бронированного стекла. Старался отлавливать хулиганов и отнимать рогатки.

На лугу размышления Петра прервались. Сначала на тропинке попала пустая бутылка водки, потом в траве увидел брошенную хозяйственную сумку, из которой торчала колбаса. Не успел Петр подивиться, как дальше увидел, что в траве лежит человек. Вблизи разглядел бездыханное тело завхоза. Но тут черный пиджак задвигался и прокричал:

— Здорово, мужик!

— Здорово, корова, — ответил Петр и увидел дальше лежащую бабу. Сообразив, что он тут лишний, пошел дальше. Завхоз и посудомойка, отметил про себя Петр, заскучав от напыльа плотского желания и мысли, что придется скоро так и ему закупить бутылку и определяться с соседками, так как жена его пять лет назад переселилась на кладбище и, как говорила дочка, оттуда смотрела на них и молилась за их здоровье и благополучие. И снова подивился Петр, что беда пришла, надо бы с мыслями собраться, задуматься, как судьбой распорядиться, а народ, смотри, первым делом — набухаться и в кусты завалиться.

На третий день Петр не выдержал. Дождавшись, когда из корпуса вышла уборщица Анжелка, чтобы выплеснуть грязную воду, окликнул ее и предложил встретиться в отбой на обычном месте за ельником.

В назначенное время Анжелка бесшумно предстала на тропинке из разогретого солнцем молодого ельника. Петр обхватил ее покрепче и почувствовал руками, что под плотно застегнутой джинсовой курточкой ничего больше нет. «Готовилась», — одобрительно подумал Ефимонов. Может, надо бы сойтись да жить вместе, в который раз мелькнула мысль, и снова поймал себя на том, что мысль эта приходила на волне любовной жажды, а потом куда-то исчезала, усмехнулся Петр. И по молодости Анжелка не была красавицей, а с годами деревенские ветра присушили румяные щеки да солнце припекло. Ну и говорила невнятно, часто обрывая слова из-за стеснения. Но под одеждой рука его легко нащупывала мягкое и томное податливое тело.

Прерывистой тропкой по мягкой хвойной подстилке дошли до ствола сломанной ураганом сосны, присели на теплые ломкие чешуйки. Ефимонов прижался губами к ее лицу, а рукой высвободил из курточки полные теплые груди. Анжелка стала захлебываться воздухом, охнула. Петр ласково повернул ее и уложил на сосновое ложе, задрал свободную юбку и неторопливо окунулся в нежное горячее облако. Он знал, что блаженство будет длиться вечно, и мысли в такие моменты приходили радостные, неожиданные.

— Счастье, Анжелка, — проговорил Петр ласково, чаще налегая на ее теплый

зад.— Пускай олигархи подавятся своими виаграми. Это мы олигархи по любви. Они гнилые внутри, сгинут, а наши бабы нарожают детишек, им все достанется: речка, луг, лес, солнце... переживут нас, их.

Ефимонов неторопливо приговаривал и словно плыл в теплом облаке радости, в котором тонули все неприятности. Изнемогая, постанывала Анжелка, тоже залопотала своими отрывистыми словами, потом ее слова слились в протяжное мычание.

— Куда им, дохлякам, до нас, мы, Анжелка, лучшие...

— Ну, цирк,— послышался сзади голос, и ребячьи смешки.

Анжелка дернулась, но Петр не упустил ее, достиг предела и почувствовал, как содрогнулось тело Анжелки и волна взорвалась в нем.

Подтянув брюки, Петр медленно повернулся, загораживая Анжелку. Он услышал шорох ее одежды и быстрые шаги. В прогалине раздвинутых вервей куста торчала наглая физиономия парня из первого отряда, рядом — смущенная бледная физиономия второго парнишки и пацана помоложе.

— Ну что, стручки, теперь знаете, как вас делали? — спросил спокойно Ефимонов.

— Цирк,— проговорил наглый парень,— минут десять, у меня уж кипятки в штанах.

— Учитесь,— посоветовал Петр,— а то в следующее лето по домам сидеть будете. Продан лагерь олигархам.

— А вот,— наглый парень кивнул на бледного парнишку,— его папан и прикупил тут все.— Парень захохотал.— Так что, все его тут будет: речка, луг, лес и солнце.

— Ну, солнце — ты это врешь,— улыбнулся Ефимонов,— Все не проглотить.

— Теперь мы тут баб трахать будем,— проговорил зло наглый парень.

— А чего же он не на Багамах? — спросил Петр, глянув на бледного парнишку.

— Дурачок он, говорит, надоело, решил жизнь простого народа изучать. Мне бы такого папану,— наглый причмокнул,— меня тут давно не было бы.

В тот же день, ближе к вечеру, Ефимонов столкнулся с наглым парнем на дорожке к игровым площадкам. Парень, засунув руки в карманы, шел медленно вразвалочку, а когда увидел Петра, заржал довольноно.

— А, стручок,— протянул Петр.— Ты смотри так осторожнее. Нарвешься на местных парней, ноги переломают за любопытство.

Парень остановился и нагло улыбнулся.

— Куда вам,— презрительно усмехнувшись, проронил он.— Алкоголики, пенсионеры. Вас с потрохами купили. А надо будет — головы оторвут и за пятак продадут. Так что, ваше дело — бутылка да по кустам париться.

— Ты сам-то не из наших-то? Вижу, все твое богатство — в штанах болтается, а в башке — сквозняк один.

— Ха, хочешь знать,— парень прищурился,— я на тебе с бабой тыщонку заработал. Это у вас в деревне все бесплатно, а в бизнесе и за удовольствие платить надо. Олигарх-то еще мальчик,— парень заржал.— А я ему наглядное пособие представил...— Слушай, идея! Давай так, тебе сотня — и повторишь с бабой? На том же месте.

Петр молча сплюнул.

— Ну, пятьсот.

— Морда у тебя наглая.

— Сто баксов! — парень с усмешкой смотрел на Ефимонова.— Зря думаешь. За сто баксов сам начальник с поварихой прибегают трахаться.

— Смотрю, вот, на тебя,— проговорил Петр с усмешкой.— Как наши отцы нас,

дураков, настрогали. Коммунизм строили, кэпэээс кричали. Так и мы вас, буратин, наделали. Такие же дураки. И вы, и ваш олигарх таких же дураков настрогают. Деньги, деньги!.. А то же дерьмо выйдет. Помяни мое слово.

— А, может, я Абрамовичем стану.

— Сортир ты у него облизывать будешь за тысячу баксов. Если его дружки не уроют. Абрамовичей десяток-другой, а сортиров у них сотни у каждого. Где ты и будешь.

— Ладно, мужик, не пыхти. Никто тебе платить не собирается,— хмыкнул парень и пошел дальше.

Через неделю, после прохладных августовских деньков, пришел сухой и теплый ветер. Днем сильно припекало солнце, шли последние дни смены. Петр сговорился с Анжелкой пойти в заброшенный колхозный сад за яблоками.

Сад тот насажен был больше тридцати лет назад, когда и жизнь была другая и Петр был работающим молодым мужиком, жива была его молодая женушка. И бегала у дома по травке маленькая несмышленная дочка, которой в радость были и голубые мотыльки, и пуховые котята, и простенькие цветы в огороде. Сад садили большой, в расчете на богатый урожай, сажали весело, с задором, шутили, что яблоки уже в коммунизме собирать будут. А потом вышла сильно морозная зима, под сорок. Деревья трещали и лопались, хлестко, как патроны, брошенные в костер. Сад поморозило, его и забросили. Но половина деревьев кое-как выжили, выбросили пару-другую листочков. Мертвые ветви обломались и сгнули с годами. Деревья коряво невпопад разрослись, выправились — и начали родить яблоки. Дрозды их расклевывали, налетая стаями, ребятишки из деревни ходили, сбивали палками и хрустели сочной сладкой плотью. Взрослые заходили набрать сладких дармовых яблок.

Петр нес корзину, радуясь теплому ветерку и солнцу, рядом шла Анжелка, румяная и свежая, с улыбкой на губах. Зашли в самую гущу сада по тропинкам, которые протоптали коровы. Тишина и солнце. Петр шестом сбивал яблоки. Они яркие, румяные сверкали боками, падая в листве. Некоторые сильно бились о толстые ветви и брызгали соком. Уцелевшие Анжелка складывала в корзину. Медленно переходили от дерева к дереву, высматривая самые крупные яблоки, словно яркие фонари, сиявшие в зеленой листве.

Петр тоже брал теплые яблоки, и трудно было удержаться и не надкусить. Белая мякоть сверкала на солнце и рот переполнялся сладостью сока. Щеки Анжелки тоже сияли, как яблоки, и грудь ее, обтянутая кофточкой, округлилась, как яблоки. Звенела тишина, сияло солнце, яблоки переполняли светом корзину. Петр чувствовал, как стали тесными брюки, он обнял Анжелку и коснулся рукой груди, потом расстегнул кофточку и утонул лицом в нежной груди.

Шелестели под теплым ветром листья, шепотом говорили губы Анжелки невнятные слова. Петр медленно освобождал ее от одежды, проникал все дальше, потом ветер их начал качать, как качал ветви с яблоками, и губы Анжелки вздыхали и лепетали, как листья.

— Это для нас, Анжелка,— привычно тихо приговаривал Ефимонов,— тепло, солнце, яблоки для нас, мы, как яблоки, мы живы, наша радость...

Ветер набегал теплыми волнами, касался листьев, их волос, запахнутой одежды, оголенной теплой кожи, улетал дальше в деревья, луга, и снова набегал новой волной.

Взгляд поверх Анжелки уловил силуэт, и Петр почувствовал холодок в груди. В мозаике листьев, ветвей проглянул мальчишка, тот бледный парнишка. Петр даже оглянулся, нет ли кого вокруг.

Парнишка странно двигался, как слепой, он тянулся руками к толстым ветвям

яблони метрах в тридцати. Петр увидел, что сверху с ветки свесилась веревка с петлей, и парнишка стал растягивать петлю. Здесь Петр сообразил, в чем дело, даже сердце на мгновение захолонуло. На ходу он подхватил брюки, бегом обогнул яблоню и побежал к парню.

— Не балуй, парень,— зашептал Ефимонов,— нельзя так...

Он обхватил худое холодное тело парнишки и прижал к себе, стараясь согреть его, пытаясь прикосновением расшевелить, доказать, что не так все.

— Зачем? Не шали,— шептал он, распутывая веревку, и сбросил с безмолвной, обморочной головы петлю. Петр прижал бледное лицо к щеке.

— Глянь вверх... там солнце, яблоки, листья — все твое, для тебя, для твоего папки, для твоих детишек будущих.

По лицу парнишки потекли слезы, гримаса боли сжала глаза.

— У меня,— залепетал парнишка,— не получается с девушками...

— Ты что,— горячо зашептал Петр.— Они все хотят тебя, любят тебя, только приди... Со мной идем.

Он медленно вел его к Анжелке, которая все видела и с испугом смотрела на них, придерживая на груди расстегнутую кофточку.

— Вот, чудак, чего удумал,— говорил Петр, обращаясь к Анжелке.— У всех получается, а у него нет, получится у тебя.— Скинь,— кивнул он Анжелке, и она сбросила кофточку.

Петр прижал его руки к груди Анжелки.

— Теплая, как яблоко, закрой глаза. А ты обними.

Анжелка обняла парнишку и коснулась губами глаз.

— Это как в мамке. Все знаешь и умеешь. Они все любят тебя, ждут, хотят.

Петр освободил его от одежды.

— Анжелка, встань коровой, дура. Бычок пришел. Ты вот так держи за грудь, у нее, как у девки, сиськи. Толкай, толкай... Говорил не получается. Чего придумал, дурень...— Петр полюбовался на свое творение.— Давай, теперь гони, чаще.

Парнишка содрогнулся и со стоном прижался к Анжелке. Ефимонов засмеялся облегченно. Анжелка вся покраснела и довольная поправляла юбку, отряхивая сор.

— Ну, и хорош на первый раз,— довольно сказал Петр.— Теперь все знаешь, умеешь. А папке своему объясни, что деньги — это еще не все. Олигархам еще научиться любить надо. И веревку ему подари. Пусть сам повесится, если в жизни ничего не понял.

Наталья Квасникова
(г. Москва)

БАБУШКА НАТАША

Очень забавно и интересно, когда у внучки и бабушки одно имя. Почти все время они проводят вместе. Мама Елена — человек важный и занятой, играет на скрипке и ездит с оркестром на гастроли в далекие города и страны. Папы у Наталки нет. Однажды бабушка рассказала ей о большом красивом аисте, который принес к ним в дом маленькую девочку.

— А мама тогда тоже была на гастро-лях? — спросила Наталка.

Некоторые слова для нее пока остаются трудными. Что поделаешь, — ей только четыре года! Но если их говорить почаще, они привыкают к человеку и говорят все легче. Проверено!

— Нет, в такой важный день мы обе дома были, — ответила бабушка. — Пили как раз чай, глядим, — а на балконе аист стоит и на нас нетерпеливо смотрит. Весна пришла! Апрель-месяц!

Сколько помнит себя Наталка, засыпает и просыпается она под бабушкиным взглядом. Глаза у бабушки бывают вечером сине-веселые, а утром весело-синие — Наталка всегда замечает разницу.

— Бабушка, — спрашивает Наталка, — а тебя тоже аист принес?

— Да нет, — отвечает бабушка, грустно улыбаясь, — тогда у детишек чаще папы были. Время сейчас другое, внуца.

— Да, — вздыхает Наталка, совсем, как бабушка, подперев щеку рукой, — а теперь все больше аисты... Другое время.

На самом деле девочке совсем не грустно. Те папы, которых она видела у подружек во дворе, ей не нравятся. Один толстый, неповоротливый, с большим животом, сердитый, ни на кого никогда не смотрит, ни с кем не разговаривает, даже со своей дочкой. О нем говорят — ди-рек-тор. Еще одно совсем не ручное слово. Другой — всегда веселый, но от него противно пахнет, он плохо держится на ногах и может упасть. Если это случается, ему без чьей-то помощи трудно подняться. А третий бывает дома только ночами да в воскресенье, и тогда целый день играет в компьютер. Бабушка рассказывала сказку про хорошего папу, но у Наталки свое мнение на этот счет.

Папа, — думает девочка, — как большая напольная ваза у них в комнате, которую кто-то маме подарил за ненадобностью. Она высокая, красивая, но бесполезная — даже цветы нельзя поставить, потому что провалятся, и их не будет видно. Одна по-меха бабушке пол мыть, а выбросить жалко.

В гостиной у них живет еще один важный член семьи — Калужанка. Это блестящее коричневое пианино, но никто не называет его так, а только по имени. Наталка любит Калужанку и немного побаивается. Бабушка уже давно начала обучать внука музыке, второй месяц пошел. Девочка очень старается, но устают пальчики — белые клавиши тугие. Но и тут Наталка заметила — если заниматься чаще, они, как и трудные слова, начинают привыкать к ней и лучше слушаются.

Однажды, когда мама гостила дома, бабушка повела их фотографироваться втроем. Снимок получился очень красивый и висит на стене в золоченой рамке. Бабушка вытирает с него пыль, а внучка часто и подолгу смотрит на маму. Представляет, как та играет на своей скрипке на Северном полюсе, ей холодно и хочется чаю, а белые медведи внимательно слушают и почему-то мурлычут, словно кошки, от удовольствия.

— Видишь, какие мы разные, — говорит бабушка, — ты, мама и я...

И Наталка знает, что будет у нее большая жизнь, в которой она успеет побыть такой, как мама, и такой, как бабушка.

Кошка у них тоже есть — Утятя. Теплая, хорошая, только старая уже и всегда сонная. Если кому-то из них нездоровится, Утятя обязательно приходит, греет и лижет лицо — лечит, то есть. Так бабушка Наташа говорит, и девочка тоже знает, что после кошачьей ласки всегда становится легче. Добрая у них семья, но у других бывает иначе.

Недавно вышли они погулять, на солнечную погоду полюбоваться. Во дворе к Наталке подбежала новая подружка Вася — Василиса, значит. Познакомились накануне, прежде не встречались. Васю папа с мамой привезли к их бабушке, Анне Ивановне, а сами по делам уехали. Девочкам было очень весело, во все игры успели поиграться. Когда пришло время собираться домой, бабушка Наташа подозвала внучку, за руку взяла... Внезапно раздался громкий пронзительный крик — это Вася не хотела уходить, замахивалась кулачком на Анну Ивановну.

— Нет, не пойду, ты глупая старуха! — надрывалась девочка. — Уйди от меня, противная бабка! Эй, ты куда меня ведешь, стой, не пойду!

— Васюта, Васюта, не шуми, обедать пора, — уговаривала Анна Ивановна...

Уходя, Наталка все оглядывалась назад, не понимая, зачем крик и слезы, ведь вечером снова можно гулять и играть друг с другом.

— Почему? — спросила она у бабушки Наташи. — Анна Ивановна обидела Васю?

— Не думаю, внуча. Скорее, наоборот.

За едой обе молчали, говорить как-то не хотелось. Получилось большое переживание.

Выходит, жизнь не всегда веселая штука, даже — если не болеешь...

После обеда, лежа в кровати, девочка размышляет об увиденном.

«Что же это за бабушка, — думается Наталке, — которую можно называть бабкой, старухой или даже «Эй, ты!»

Ей невдомек еще, что вина за грубость необязательно лежит на том, к кому она обращена. Чаще всего бывает виноват тот, кто грубит — или те, чьи слова человек повторяет.

Ласковый дневной сон в этот раз так и не пришел к Наталке, а вечером они опять играли во дворе с Васей, которая смеялась, словно ничего не произошло. Сидя на корточках, строили в песке пещеры и переходы. Бабушки тоже беседовали в полном согласии, избегая неприятных и болезненных тем. Наталка волновалась и не могла молчать.

— Вася, зачем ты кричала на свою бабушку? — очень тихо спросила девочка: казалось, сказать о таком можно только шепотом.

Подружка улыбнулась:

— А дура она у нас, нич-чо не понимает. И мама с ней вечно ругается...

Это озадачило Наталку.

— Разве бывают бабушки... дуры? — с трудом выговорила она последнее слово.

— А они все такие! — весело сообщила Вася. — Они же старые!

— Не знаю. Моя бабушка мудрая и... я ее люблю! И еще — мы тоже дуры будем, когда состаримся?

— Мы? Состаримся? Ты чо? Такого не бывает!

— Но мне бабушка рассказывала о том, как маленькая была, как молодая... И про маму тоже...

Вася свысока посмотрела на Наталку.

— Это она тебе сказку сочинила! Мы — такие, как есть, и они такие, как они. Только детки, которые в колясках, растут немножко, и все.

— Нет, это неправда! Я совсем не так знаю...

Подружка вскочила.

— Ну и сама дура... как твоя бабушка! — и, высунув язык, затанцевала на одной ножке, старательно поджимая другую.

Наталка отвернулась и направилась к бабушке. Вслед ей прилетела горсть песка, попала в волосы...

Дома бабушка мыла ей голову, поила чаем с медом и успокаивала.

— Люди бывают злые? — спрашивала Наталка.— И дети?

— Да, внуча, но ты не огорчайся. Есть и много добрых, хороших. Как мама...

— Мама... Она добрая. А улыбка у нее светлая-светлая... У меня не такая.

— Что ты, внуча, ты на маму очень похожа! И улыбаешься, как она...

— Правда?

— Точь-в-точь! А завтра мы пойдем гулять в парк с аттракционами!

Перед сном бабушка Наташа всегда рассказывает или читает сказки. Сегодня — о Золотой рыбке. Книжка большая и вся нарядная, в цветных картинках. Наталка уже умеет узнавать буквы — вот П, за ней У, дальше широкая буква Ш... Но они пока не хотят слушаться девочку и превращаться в слова. У бабушки это так легко выходит!

Буквы перед ней никогда не капризничают.

«Какая жадная у рыбака старуха! — размышляет Наталка.— И кричит, как Вася... Для чего?..»

Девочка спит. Бабушка долго смотрит на нее, жалея о том, как мало мама и дочка видят друг друга. Взглянув на часы, вспоминает, что идет концерт и, прикрыв глаза, старается представить, какое именно произведение звучит в этот момент. Затем идет мыть посуду и тоже ложится отдыхать...

Утром Наталка изучает свое отражение в зеркале. Ей необходимо убедиться в сходстве своей и маминой улыбки. Без этого дальше не прожить. Она старательно растягивает губы, иногда помогая им пальцами, но ничего не выходит. Мама совсем иначе улыбается. Бабушка, наверно, сказала так, чтобы внучке было приятно,— и все. Оставив бесполезные усилия, девочка отправляется завтракать.

За столом они обсуждают скучный серый дождь, который начался ночью и неутомимо продолжается до сих пор. Передумав идти в парк, решают навестить Калужанку и позаниматься музыкой. И вдруг звонит телефон!

— Лена? Это ты? — волнуясь, говорит в трубку бабушка.— Когда приезжаешь? Сегодня ночью?

Наталка прыгает вокруг и светится в улыбке — такой же, как у мамы. Но ей самой этого не видно.

День идет кувырком. Бабушка печет шоколадный торт, варит борщ — словом, готовит пир-на-весь-мир. У внучки все валится из рук. Девочка только ждет, больше она ничего не может делать. Пробует поиграть, но даже любимая кукла не занимает ее. Глядит в окно, где, не переставая, бормочет дождь, хоть ей понятно, что до темноты далеко, и мама еще долго не появится внизу, у подъезда. Быстро-быстро, почти без интереса, листает книжки с картинками. Немного капризничает за обедом. К вечеру Наталка совсем устает от ожидания и почти не протестует, когда бабушка укладывает ее спать раньше обычного.

— Только обязательно-обязательно разбуди меня, когда мама придет.— зевая, просит девочка.

— Обещаю.— торжественно говорит бабушка, но внучка этого не слышит, потому что во сне уже обнимает маму...

Евгения Курганова
(г. Москва)

Евгения Михайловна Курганова (Костина) родилась в Москве, окончила филологический факультет МГПУ им. Ленина по специальности русский язык (литература), долгое время работала в ТАСС. Первые рассказы опубликовала в газете «Московские новости». Печаталась в альманахах «Московский Парнас», «Лесной орех», «Ясноцвет», в болгарской газете «Есенински булевард» (приложение к газете «Литература и общество»), в литературном журнале «Страна и мы», в сборнике «Вечерами у балкона». Выпустила книги: «Люблю и верю» и «Снежный вальс». Член МГО Союза писателей России.

ШЛЯПКА

Море. Я люблю его с первой встречи. Мы с мамой едем в поезде. Маленькое купе, душно. И вдруг мама говорит: «Посмотри, это — море».

Носом прижимаюсь к окну и сначала вижу маленькую голубую полосу, которая, постепенно увеличиваясь, заполняет собой все пространство.

Приехав, оставив вещи в номере гостиницы, мы бежим к нему, теплему, ласковому, что-то шепотом говорящему. Заходя в воду, ты ощущаешь ее нежность, качаясь на волнах, чувствуешь себя маленькой девочкой на руках у мамы. На душе тихо, спокойно.

Но были и штормовые дни. Море как бы предупреждало: «Я не всегда спокойное». Его грозный рык показывал всю силу природы, которую, как бы человек не хотел, приручить не сможет.

Сейчас я приехала к морю в конце бархатного сезона. После болезни. Врачи сказали, что мне очень полезен морской воздух, в отличие от солнца. И все свободное время я старалась проводить на пляже. Курортный сезон закончился. Народу осталось мало. Большинство разъехалось по домам. Поэтому на пару средних лет, гуляющую вдоль берега, я сразу обратила внимание. Женщина в длинной пляжной юбке, в легкой кофте, когда же море бурлило, она накидывала шаль. А на голове у нее была нелепая соломенная шляпка с лентами и цветами. Мужчина довольно статный, в летнем брючном костюме. Пройдя вдоль берега до мыса, пара заворачивала за него, где их не было видно. Я же продолжала сидеть в шезлонге и смотреть на море.

Через несколько дней он уехал. Женщина же продолжала по инерции ходить вдоль берега, заходила за мыс. С каменным лицом глядя на море, она его не видела и не слышала. Было заметно, что мысли ее с тем, кто уехал. Вскоре уехала и она.

Мне захотелось пройти их дорогой. День был прохладный, моросил мелкий

дождь. Я завернула за мыс и увидела небольшой пляж. В центре — шезлонг, а над ним — сломанный навес от солнца, и к нему прикреплена ее шляпка.

Ленты растрепались и бились на ветру, вытягивались, как руки, в струну. Было впечатление, что они просят не оставлять шляпку одну. Мокрые вылинявшие цветы плакали. А серый будничный день завершал картину одиночества. Это вызвало у меня в душе чувство грусти и сострадания по несостоявшейся любви. На сломанном шесте соломенная шляпка — жест отчаяния. И я подумала: как же бережно мы должны относиться к чувствам других, не играть ими. А море, вторя мне, тихо билось у моих ног, своим успокаивая шепотом.

ЧАСЫ ЖИЗНИ

Пожилая женщина сидела возле окна и смотрела на улицу. С возрастом ей стало все тяжелее выходить из квартиры. Дети приезжают по выходным дням, стараются звонить каждый день. С друзьями теперь она общается только по телефону. Беседы с ними чаще всего сводились к разговорам об их болезнях, и это вызывало у нее легкую грусть. Теперь интересы женщины сузились до жизни за окном, общения с котом Прошей и боя старинных настенных часов.

Сколько Мария Викторовна их помнила, они всегда висели в ее комнате и отбивали каждый час. И это мешало, но родители не соглашались перенести их в гостиную. Так они учили дочь, как им казалось, ценить время. Постепенно та привыкла к бою, иногда даже не замечая его.

С годами звук стал более степенным. Сами же часы своим видом придавали комнате солидность, какое-то благородство. Друзья, приходя в гости, всегда говорили: «Какой у Вас антиквариат! Это же здорово!». Собираясь на празднование Нового года в ее доме, они поднимали бокалы с шампанским под ее собственные «куранты».

Время шло, дети разъехались, друзья с каждым годом становились тяжелее на подъем, встречи происходили все реже. В бое часов теперь слышался лишь скрип старости. Но пожилая женщина не обращала на это внимание. Она жила воспоминаниями. Эти «куранты» объединили в себе годы ее жизни. Годы, когда все бурлило и звало ее за пределы квартиры. И под их бой она заново проживала это...

Марии Викторовне не было скучно, она не замечала, что время идет вперед, прошлое всегда было с ней.

Старая женщина жила памятью собственных лет, а бой часов только отбивал их вехи.

УШЛА В НОЧЬ

Проходя по площади трех вокзалов, Юлия заметила нищенку, сидевшую на мешке со своим небольшим скарбом и неумело просящую милостыню. Она не приставала, не липла к прохожим, как другие. Остановившись, Юлька увидела ее неухоженное, плохо вымытое лицо, с остатками былой красоты, копну спутанных, наполовину седых волос.

В детстве мама часто говорила: «Давать легче, чем просить». Она запомнила это на всю жизнь. Подойдя к женщине, дав ей немного денег, приглядевшись, узнала в ней Ленку, свою подругу, по ее необыкновенным черным глазам. Раньше они напоминали южную ночь, теперь потускнели, и обрамляла их сеть мелких морщин. Лишь по ним еще можно было узнать подругу. В юности девушки вместе работали и очень дружили.

Лена — дочь генерала, жила на Фрунзенской набережной, в большой квартире. Принимали там ее друзей неохотно, со словами: «Опять Ленка привела свой плебе». Мать Лены из обычной семьи, но старалась, доказать всем, что является дамой из высшего общества. Она не могла простить дочери, что та вышла замуж за простого парня. А Ленка — черноглазая красавица с длинными волосами до плеч, добрая, готовая прийти каждому из друзей на помощь.

После окончания института их с мужем отправили в командировку, в Алжир. Оказалось, при посольстве не было русской школы, и дочку пришлось оставить с бабушкой. Девочка и Лена очень скучали. Слез было много. Но работа есть работа, пришлось ехать. После отъезда родители с ней долго не виделись.

— Подруга, привет, как я рада, что снова с тобой встретилась!

Повернув к Юле лицо измученной жизнью женщины, она насторожилась, как человек давно не слышавший нормальных, добрых слов в свой адрес. Но постепенно лицо разгладилось, появилось подобие улыбки.

— Юлька, ты?!

— Узнала.

— Да. Ты правду говоришь, что рада видеть? Меня теперь стараются не замечать бывшие друзья и даже переходят на другую сторону дороги.

Нервная гримаса пробежала по ее лицу.

— Знаешь, давай пойдем куда-нибудь, посидим, поболтаем. Хочешь, пойдем ко мне. Познакомлю с мужем, с сыном.

— Не надо. Посидим мы здесь, меня теперь в приличные места не пускают. Да и твои не поймут, ведь они не знают, как много нас с тобой связывает. Скидываемся пополам, и ты идешь в Макдональдс, божжей туда не пускают, купишь чего-нибудь поесть, да еще несколько бутылочек пива — и это будет настоящий наш праздник.

Юля быстро сбежала и купила все, что было сказано. И вот, расстелив газету на скамейке, разложив на ней продовольственный запас, они разговорились.

— Мы с мужем пробыли в Алжире четыре года. Все было хорошо, только очень скучали по дочери. Свободное время, помимо работы, проводили, знакомясь со страной, посещали прекрасные места, изучали нравы местного населения. На это ушел год. А потом у нас началась ужасная тоска по Родине, по дочери, по друзьям. В году два месяца отпуска — это так мало, чтобы объяснить малышке, что самое главное — это она, постараться окунуться в ее детские проблемы и постараться разъяснить ей, что если бы не работа, я от нее никуда бы не уехала.

— Ты же знаешь, что мой муж никогда не был особенно компанейским человеком. А тогда, оставаясь вечерами вдвоем, в чужой стране, вывести его куда-нибудь было очень тяжело. Постепенно, для веселья, мы стали брать бутылочку вина, а потом — что-нибудь и покрепче. Мы не заметили, как пристрастились к выпивке.

Лена, глубоко вздохнув, замолчала. Около них остановилось такси, высадив пассажиров, помчалось дальше. Немного передохнув, подруга продолжила:

— Когда вернулись домой, нас ждало разочарование: дочь радовалась подаркам больше, чем родителям. Девочке было уже двенадцать лет. Бабушка приложила все усилия, чтобы мы для ребенка стали чужими людьми. Через шесть лет умер муж. Я из АПН перешла в «Правду», там платили больше.

По моей просьбе Катя устроилась к нам на работу, но долго дочь не задержалась, из-за скверного характера. После потери мужа, я стала больше выпивать. Понимаю, сама виновата, слабохарактерная. Чувствовала, что опускаюсь, но ничего не могла сделать. На работе коллектив был недружный. Звонила тебе, но ты взяла отпуск на полгода и уехала жить к свекрови. Дома меня окружали чужие люди, которые во всем попрекали, не стараясь помочь. Катя договорилась с бабушкой, что та переписшет квартиру на нее, а когда старухи не стало, дочь выгнала меня из дома.

Да не жалея меня, я сейчас более счастливая, чем раньше. Моя совесть чиста. Мной никто не помыкает. Я не вижу перекошенного от злости лица дочери. Она же понимает, как и все остальные, что поступила со мной по-свински. Нормальные люди, такие как ты, видят во мне человека. Ты, Юлька, осталась такая же, как и была, ведь тебя считали на работе не от мира сего. Ты во всех и во всем всегда видела только хорошее. За это я и люблю тебя. Давай выпьем.

Выпили, посидели, вспомнили бывших друзей. Вечерело. Юля стала уговаривать подругу переночевать у нее.

— Хорошо, — сказала Лена, — только вот тебе деньги, купи шоколадку сыну. Так не пойду.

Вернувшись с шоколадкой, Юля не увидела подруги. Она ушла. Ушла в ночь...

Том Нойер
(г. Москва)

ХЛЕБ

Том Нойер (псевдоним, настоящее имя Артем Сергеевич Зиборов) — журналист, писатель. Родился 24 июля 1989 года в Туле в семье музыкантов. В 2011 году окончил Московскую академию туризма при Правительстве Москвы, а в 2009 году параллельно получил квалификацию теле-радио журналиста, окончив Останкинский институт телевидения и радиовещания, где защитил диплом «Домъ Россii» об архитектуре Москвы. Работал с испанским Информационно-аналитическим агентством United Europe News в качестве внештатного спортивного обозревателя. Лауреат Восьмого Всероссийского конкурса журналистов местных изданий «Власть народная». Автор рассказов «Просто устал», «Кельнер», «Хлеб», а так же романов «Зонтик», «Айзен» и сборника стихов «Сказочный сон». Публиковался в «Литературном журнале», журнале «Кольцо А», а также на порталах «Стихи.ру» и «Проза.ру». В «Приокских зорях» публикуется впервые.

Когда мой старший сын был еще маленьким, мы жили на Октябрьской улице в квартире моего тестя. По вечерам в доме пахло горелым хлебом: тесть сушил в духовке сухари. Всем уже, честно говоря, порядком надоела эта печная романтика, с каждым днем настойчиво напоминающая о том, что в мире ароматов существует не только запах цветов или чего бы то ни было еще. Домашние спасались от этого кто где: ребенок нарочно заигрывался подольше во дворе, жена приглядывала за ним с балкона или на лавочке, а я набирал ванну, ну или как придется. В этот раз я предложил яде Вене пойти погулять, надеясь в это время проветрить помещение.

Он согласился, кончив прежде свою кипучую деятельность с фасовкой сухарей и заправкой новой трехлитровой банки квасу.

Было это в начале мая, пошли мы, значит, гулять в Комсомольский парк — он правда, парк по старинке все называл Александровским садом, как до революции. Идем мы: я сзади, как обычно, а он впереди — в коляске. Свернули с центральной аллеи, и я сел перекурить на лавочку. Все случилось так быстро и неожиданно, что я даже сигарету изо рта выронил.

— Что ж ты делаешь, а? — захрипел побледневший дед. — А ну подними!!

Я поднял взгляд: перед нами стоял мальчуган, который, как я понял, бросил в урну рядом с нашей лавочкой кусок хлеба недоеденного хот-дога. Парень оторопел от пронзительного баса.

— Я? Ничего,— протянул было тот.

— Ты хоть понимаешь, сколько труда нужно, чтоб его вырастить, приготовить? Это не яблоко тебе какое-нибудь. Или, по-твоему, на колосьях буханки сразу болтаются? — он смотрел на мальчишку своим слезящимся взглядом, как на личного врага.

— Дедушка все правильно говорит,— вмешался я.— Возьми булку, отдай вон лучше собачке. Иди мальчик, иди.

Мальчик поднял хлеб и ушел, скорчив деду напоследок гримасу.

— Я таких как ты на ноге видал! — буркнул ему дед вслед.

В общем, можно сказать, парень легко отделался, потому что ног у нашего деда, как раз таки и нет...

* * *

На самом деле дядь Веня был добрейшей души человеком. Просто к хлебу у него отношение было особое, можно сказать, он относился к нему с придыханием. Это слово из его уст даже звучало как-то по-особенному: что-то вроде «хлеб» — не могу описать этот звук. Наверное, все потому, что писалось оно раньше через ять.

В семье у нас насчет хлеба целая градация выходит. Жена моя хлеб не ест почти: сейчас вот диета очередная, хотя она и так стройная — тесть ее даже зовет «освенцимом». А я — любитель корочек. Мы раньше купим батон, срежем себе по краюшке с тестем, а остальные серединку доедают. Правда, дядя Веня последнее время тоже перешел на мякиш — зубов-то нет. Так что мне все корочки доставались. Дети же в этом плане не определились, они баловаться любят. Ломтик серого хлеба порежем вдоль, так они из серединки выгрызают два отверстия и играют кусочком, похожим теперь на автобус или машинку. Дед как увидит — давай их по рукам. И смех и грех.

* * *

Он без хлеба жить не мог просто, все ел с ним в прикуску — не важно: макароны на столе или пельмени. На завтрак любил положить что-нибудь на кусочек — творог там или яйцо, не говоря уж о масле и колбасе. А если мы покупали «сырные палочки» в Доме хлеба — так он просто был счастлив, настоящий праздник, прямо ни торта ему не надо, ни конфет шоколадных. Да, я говорил? Он и шоколад с хлебом ел и арбуз. Такая, говорит, вкуснятина! Вы тоже, мол, попробуйте. Да еще ввернет фразочку: «*Fructus cape cum pane, si vis vivere sane*»^{*} — откуда он ее только взял эту словицу латинскую и запомнил же!

* * *

Нам его не понять, конечно — поколение такое, дети войны. Тот, кто когда-то испытывал длительный голод, навсегда сохранит этот страх. Поэтому гостей и родственников он первым делом усаживал за стол и не выпускал, пока они не наполнят желудок, как воздушный шарик.

Сам он никогда не оставлял на тарелке ни крошки — ее практически даже можно было и не мыть после этого. Сколько положат, столько и съест. Ни единого недоеденного куса хлеба он никогда не выбрасывал: просто терпеливо обрезал обгрызенные места. Крошки выкладывал за окно — в кормушку для птиц, а остальное высыпал на противень и сушил, доводя всех до белого каления, покуда кухня не заполнится мучным чадом. Когда сухари поостынут, дядя Веня расфасовывал их в полиэтиленовые мешки, которые плотно завязывал сверху и убирал в кладовку.

Время от времени он устраивал своеобразную инвентаризацию, проверяя свои запасы, выбрасывал попортившиеся упаковки и докладывал новые. По всей трехкомнатной квартире, как в амбаре, находились укромные уголки, которые были буквально забиты этими вездесущими мешками.

^{*} Ешь плоды с хлебом, если хочешь быть здоровым (лат.).

Между тем, человеком он был образованным — очень много читал, да и жили мы не то, чтобы беднее всех. Однако все попытки отговорить его от этой затеи были обречены на провал. В последний раз он заявил: «Если начнется голод, то я должен быть уверен, что нам есть на чем продержаться хоть какое-то время. Еще благодарить будете — не дай, конечно, бог!». И тут под шелест парка он погрузился в воспоминания:

* * *

Тогда вот тоже, если бы только не было этой войны, мы жили бы как у Христа за пазухой. Вы только представьте себе, невесть откуда пришли эти немцы, как гром среди ясного неба. Из страны, которую мы все ведь считали дружественной, культурной. Мы читали Гете и Гейне, а тут на тебе! В газетах-то писали, что Англия — главная зачинщица войн и про пакт о ненападении.

Такая паника поднялась в поселке! Отец давай в магазин бежать — там очередь уже жуткая, хватают все подряд, сколько только могут унести. Мама в банк кинулась, надеясь снять деньги со сберкнижки, да опоздала — наличные закончились.

Не успели оглянуться, как враг уже к Ясной Поляне подошел, а тут и до нас прямо рукой подать — на Косой горе мы жили. Конец октября стоял, когда они поселок взяли. Шныряют по улицам, каски сверкают. Немцы эти были — хуже Ирода самого, хотя не только немцы.

Был вот среди них ээсовец один — финн, звали его вроде Хаапе, по крайней мере, я слышал, что его так окликали. Он зовет меня как-то, мол: «Эй, рюсся, рюсся», — без перевода понятно, что пренебрежительно как-то. Ну и что? Поманит, как козочку какую, хлебом или морковкой, а сам не дает, бросит потом, как кость собаке. А жрать так хотелось, что я и козявки готов был съесть. Я и слопал кусок, мне-то показалось, что это картошка была, а оказалось, что мыло хозяйственное. Живот заручал, а этот ржет и напевает себе «*Uraliin*». Угу, думаю, раскатал губу до Урала. Ну, я возьми и намурлыкай ему в ответ «Принимай нас Суоми-красавица»... Ох, и злющий был финн этот, с мерзкой бородой рыжей. Как отвесит мне своим огромным сапожищем такого пинка смачного, я аж подпрыгнул. Долго хромал потом.

* * *

Немцы все обозлились постепенно — за Тулу-то наши стояли накрепко, а морозы все больше крепчают. Говорят, что генерал их Гудериан объявил своим солдатам, дескать, бой идет за зимние квартиры в Туле. Ээсовцы стали тщательно партизан искать и комиссаров выведывать, многие просто под горячую руку попали.

Когда зашли в нашу хату, увидели на стене фотографию бойца-артиллериста — мать забыла отцовскую карточку снять. Ну и все, спалили дом, хорошо еще нас на улицу выгнали. Так и болтались по соседям: кто переночевать пустит, кто одеждой поделится — кто чем, у нас-то все ведь сгорело.

Еды особенно ни у кого и не было, да и где ее возьмешь: погреба немцы обшарили, магазины пустые, на рынке цены взлетели, ни в деревню не сходишь, ни в город. Так и мучались числа до 15 декабря, пока наши не пришли, отбив поселок, потом всю войну еще, да и после...

* * *

Фантом голода преследовал его до самой смерти — его, человека сурового и сильного, пережившего в детстве еще и потерю ног. Причем, пытаюсь раздобыть провианта.

* *Ryssä* (фин.) — уничижительное прозвище русских в финском языке.

Однажды прошел слухок, что на ближайшую станцию должен прибыть продовольственный поезд вермахта — было это еще во время оккупации. И вот как-то ночью, мальчишки отправились на разведку, глядишь, раздобыть чего съестного. Потихоньку подкрались к станции, перемахнули через забор, но тут одного из них высветил прожектор. Часовой свистнул, они давай наутек через пути. А дядь Веня-то хромой на одну ногу — бежать не может, да еще засуетился, только и успел заметить, как нога застряла между рельс. В тот момент стрелки перевели некстати. В общем, полкилометра проволокло его за поездом, ноги обе отняли по колено хирурги немецкие в госпитале. Спасибо, что еще взялись, могли и пристрелить ведь.

С тех пор у него не так уж и много радостей было. А немцев он ненавидит лютой ненавистью, несмотря на операцию, считая, что не будь войны, то и на станцию он бы не полез. А еще французов все в пример ставит, дескать, и с ними война была не на живот, а на смерть, в которой мы также вышли победителями и отступали до Москвы. При этом, заметьте, говорит, разве есть к ним ненависть? Нету ее: «Потому что нравы другие были, и война была другая — о чести у людей больше понятия было, не то, что нынче».

* * *

Лично я не совсем разделяю его точку зрения и дореволюционные придыхания, ибо что касается войны, то это все одно: голод, смерть и падение нравов идут с ней рука об руку во все времена. Бывали, конечно, исключения, но они все эпизодические. А может все потому, что я и сам наполовину немец — моя фамилия Шмидт.

Мой отец был немецким военнопленным, как и еще почти три миллиона солдат. После войны попал в Бутырку, потом работал на строительстве дорог и мостов в Москве и других областях. Служил он в инженерных войсках и до войны работал строителем, так что дело свое знал.

Домой он не вернулся, доселе неприкаянный был принят русской женщиной, моей мамой и осел в Тульской области. Зла на него она не держала, хоть и потеряла мужа. Война — это общее горе, которое обостряет чувства. О том, сколько преступлений на совести немцев, причем не только на территории России, но и в концентрационных лагерях Европы, он узнал только в лагере — сам-то оружия толком в руках и не держал. Причем сначала считал это пропагандистской шелухой, но, когда были представлены веские доказательства, крепко задумался... Так он ей говорил и она поверила.

Русский он неплохо освоил, по-немецки только иногда говорил дома — в основном, когда ругался. А вообще, таких семей у нас в области немало — достаточно хотя бы пройтись по кладбищу и почитать фамилии на памятниках.

Правда, тестю мы эту историю не рассказывали — зачем память ворошить? Так и не знал до самой смерти, а, может, и знал, но промолчал. Его, по-видимому, больше другое заботило — заначки. Когда дядя Веня переменил миры, свертки с сухарями находились повсюду: на кухне, в антресолях, а также в самых неожиданных местах, включая матрас, на котором он спал, и даже под подушкой...

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

АЛТУХОВСКИЙ КАИН

Член Союза писателей России, лауреат литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова

История — искусство, как и всякое искусство, идет не вишьрь, а вглубь

Л. Н. Толстой

Восемнадцатого мая 1767 года в Крапивенскую уездную воеводскую канцелярию, находившуюся на Околотоководном стане, поступил рапорт старосты канцелярии Тита Алексеевича Трунова. На плотном листе бумаги, больше напоминающим тонкий картон, он писал: « Сего 1767 года мая 18 дня именованному в деревне Алтухово Крапивенского уезда однодворец Иван Андреев объявил мне, что живущего в оном дворе отставного конюха Петра Прокофьева сына Трунова имеющейся нынча ночью повешен на снасти. По сему рапорту для осмотра и известейства истины удавления на сия деревни Алтухово прошу выйти...»

В 18 веке в России началось успешное развитие промышленности, и торговли по участию в которой лидировали такие города как Москва и Петербург. В Туле образовались и набирали силу мукомольные, пивоваренные и маслобойные предприятия, а в Крапивне изготавливались телеги и сани, распространился бондарный промысел, изготавливались кадучки, бочки, обручи для тележных колес. В деревнях плелись корзины, лукошки, лапти и рыболовные сети. Однодворец деревни Алтухово Иван Андреев, рассказывая старосте Титу Трунову о ночном происшествии, под снастью имел в виду сплетенную из тонкой веревки рыболовную сеть. На такой сети и висел в своем доме отставной конюх Петр Трунов, когда на место происшествия прибыли Тит Трунов, врач Митрофанов, однодворец Иван Андреев и возглавивший, как сейчас сказали бы, следственно-оперативную группу пристав Крапивенской уездной воеводской канцелярии подпоручик Иван Ярой (возможно Яров. Авт.). «Сам себя жизни лишил, — сказал младший брат покойного Григорий Прокофьевич Трунов. — Одиноким был, вот и удавился от одиночества». Однако Тит Алексеевич верхоглядством не отличался. Внимательно осматривая комнату, где висел покойный, он обратил внимание на тот факт, что на полу не было скамейки или какого-либо другого приспособления способствующего самоубийству.

— Получается, ваше высокобродь, что упокойник, чтобы сунуть голову в петлю, подпрыгнул. И почему он для удавления выбрал не веревку, а рыболовную сеть? Словно был впопыхах,— высказал он Ярому свое сомнение.

Пристав Иван Ярой в своем деле тоже не был новичком. Осматривая вместе с

врачом Митрофановым покойного, он увидел на его щеке едва заметный след от потека слюны, причем его направление было не сверху вниз, а вопреки всем законам земного притяжения от края губ к мочке уха. Это обстоятельство подсказывало то, что смерть отставного конюха наступила в тот момент, когда он находился в положении лежа на спине. А когда врач дал заключение, что на теле Трунова имеются прижизненные ссадины и сломано ребро, сомнений не осталось — совершено убийство, которое кто-то искусственно попытался представить в виде самоубийства. Но кто? Теперь Титу Трунову и Ивану Ярому это и предстояло выяснить.

Расследование любого преступления включает в себя целую систему следственных действий. Это и осмотр места происшествия, и проведение различных экспертиз, и изъятие вещественных доказательств и, конечно же, допрос свидетелей преступления, который, согласно уголовно-процессуальному кодексу, оформляется протоколом. Во времена правления на Руси Екатерины Великой при допросах протоколов не оформляли, а показания свидетелей записывали на обычном листе бумаги. Первым по факту убийства отставного конюха был допрошен его младший брат Григорий. Подпоручик Иван Ярой, отражая его показания, записывал: «Мая сего 22 дня 1767 года в Крапивенской уездной воеводской канцелярии в Околотоковом стане слушал в оном крестьянина Григория Прокофьева сына Трунова, который сказал: жившего с ним в оной избе в деревне Алтухово брату его родному Петру удушение не чинил и смерти его естества причинить мог с целью разбою беглый солдат, живший вместе с братом в оной избе...». Допрошенная жена Григория Евлампия также показала, что в доме брата ее мужа некоторое время жил какой-то беглый солдат. Но кто он и куда мог уйти после убийства Петра она не знает.

Оставшись наедине с собой, Иван Ярой, по всей видимости, задался вопросами: кому была выгодна смерть тихого и безобидного отставного конюха? Виновен ли в его смерти живший у него беглый солдат? Стал бы он имитировать самоубийство Трунова или просто-напросто сбежал бы? Чтобы ответить на эти и другие вопросы нужно было одно — найти беглого солдата. К его поиску были привлечены канцелярские служащие, люди из купеческого сословия, однодворцы, солдаты Крапивенской стражи, владельцы магазинов и питейных домов. И результат не заставил себя долго ждать.

Ресторан. В это уютное питейное заведение, с его неоновыми огнями, легкой оркестровой музыкой, запахами сигарет и дорогих женских духов, услужливыми официантами и аккуратно сервированными столиками с накрахмаленными белыми скатертями, посетители приходят для того, чтобы в компании с друзьями отметить торжественные события, праздничные юбилеи или просто пообщаться после тяжелого трудового дня. В наше недавнее советское прошлое простой трудовой люд в рестораны ходил редко. Не по карману. Завсегдатаями ресторанов были властимущие, инженерно-технические работники крупных промышленных предприятий, торговцы и, конечно же, люди криминальной направленности. Такие люди рестораны посещали всегда, поэтому во все времена кабаки находились под особым, негласным надзором «ока государева». Каждый уважающий себя милиционер, опер, полицейский сыскарь или канцелярский пристав имел в ресторанах, кабаках или питейных домах по одному, а то и по несколько негласных осведомителей. Пристав Иван Ярой исключением не был. Вскоре он получил информацию о том, что к владельцу одного из питейных домов приходил некто и просил хозяина устроить его дворовым человеком. Этот некто сейчас проживает у крестьянки Пашковой в деревне Ягодка (возможно Ягодное. Авт.), а до этого проживал в деревне Алтухово. К Пашковой выехали ночью, взяв с собой двух солдат из Крапивенской стражи. Беглого солдата задержали быстро и без труда. Навалились на спящего, связали и загрузили в телегу. На

допросе беглый солдат, которым оказался Тимофей Мешков, клялся и божился в том, что к убийству Трунова Петра никакого отношения не имеет. Да жил у него несколько дней, но потом ушел.

— Когда ушел и почему? — спросил Иван Ярой.

— Числа пятнадцатого ушел, точно таперча не вспомню. Опосля того, как брат его, Гришатка, с каким-то господином приходили. Господин ентот в сенцах стояли, а Гришатка все спрашивал у Петруни, согласен ли он? А Петруня говорит, что не согласен.

— С чем должен был согласиться убиенный Петр?

— Не знаю. Гришатка Петруни что-то на ухо шептал, а Петруня рассмеялся в ответ. Не убивал я Петруню, господа хорошие. Как перед Богом клянусь, не убивал,— глядя то на Ярого, то на Тита, запричитал Мешков.— Зачем мне убивать-то его? Знамо дело было бы за что, а так... Он меня приютил, а я что зверь лютый?

— Будя причитать-то! Сказывай, что дале было,— перебил его Тит.

— Опосля, господин ентот, что в сенцах стояли, говорит мне, кто я таков и что делаю тут? Я ответил ему, что крестьянин из Чернского уезда. А он спрашивает, чей крестьянин, каких господ? А потом, вдруг, спрашивает: не бесписьменный ли я? (Проживающий без регистрации. Авт.) Я опосля сбежал от них. Не убивал я Петруню,— заплакал Мешков.

Иван Ярой и Тит Трунов уже и сами поняли то, что Тимофей Мешков к убийству отставного конюха никакого отношения не имеет. А вот, что за господин вместе с Григорием приходил к Петру, и почему Григорий скрыл об этом факте на допросе, оставалось загадкой, которую предстояло разгадать. На повторном допросе Григорий Трунов показал, что он в дом к своему брату заходил часто и всегда один. Кого беглый солдат имел в виду под неизвестным господином, он не знает. «Наверное, показалось беглому»,— засмеялся Григорий.

Тем временем староста Тит Трунов подал рапорт, в котором указал, что крестьянин деревни Алтухово Иван Петров объявил о том, что его жена Авдотья 17 мая стирала на реке белье, и в это время неизвестно какой господин, пьяный, стал ей высказывать непристойные слова и трогать ее руками, она стала кричать. На крик пришел Стахонов и увел того господина.

Избодорца деревни Алтухово Данилу Стахонова Иван Ярой допросил 23 мая. Стахонов поведал о том, что 17 мая он был на речке и мыл лошадей. В это время он услышал крики и увидел, что пьяный господин обхватил руками Авдотью Петрову. Этого пьяного господина он отвел в дом к Григорию Трунову, так как раньше видел их вместе. Господина этого зовут Архипом, он живет в Крапивне у своей сестры по имени Лиза, а у Григория хочет купить дом.

Теперь сыщикам все стало ясно. Наконец-то они поняли, кому именно мешал отставной конюх Петр Прокофьевич Трунов. В дом на Околотокогородном стане в Крапивне к Елизавете Еремеевне Юдиной вошли без стука, только покашливая, чтобы привлечь внимание хозяев. Архип Еремеевич Малоросихин находился в отдельной комнате. Узнав, зачем к нему пришли незнакомые господа, он не стал запирается и все рассказал.

Малоросихин приехал из села Митрополья, чтобы купить у Григория Трунова дом. Половина дома принадлежала брату Григория Петру. Петр свою половину дома продавать категорически отказывался, несмотря на то, что ему предлагали хорошую сумму денег. 17 мая он в очередной раз пришел к Труновым в гости. Днем они с Григорием выпили вина, и он остался у него переночевать. Ночью они с Григорием решили еще раз поговорить с Петром о продаже его половины дома. Петр вновь ответил отказом, и тогда между братьями завязалась драка. Малоросихин, заступаясь за

Григория, обхватил Петра сзади за руки, и они упали. Петр начал кричать, но Григорий, навалившись на него, сдавил ему руками горло.

Двадцать седьмого мая вечером в Алтухово, напротив дома Григория Трунова, остановилась повозка. С нее сошли Иван Ярой, Тит Трунов и двое вооруженных ружьями солдат. Сошедшие оправили от долгого сиденья свои одежды, привязали к изгороди лошадь и, посмотрев в сторону закатывающегося солнца, вошли в дом.

На следующий день 28 мая 1767 года пристав Крапивенской уездной воеводской канцелярии подпоручик Иван Ярой составлял документ. Наверное, это было обвинительное заключение: «...Григорий Прокофьев сын Трунов тож Архип Еремеев сын Малоросихин в ночь 18 мая сего 1767 года в доме отставного конюха егоного брата Петра Прокофьева сына Трунова в деревне Алтухово Крапивенского уезда в содеянии грубого действия учинили отставному конюху удушение в то время чинившего крики... Дело 0586 по убийству отправить в Крапивенский уездный суд. К сему руку приложил, пристав Иван Ярой».

Вот такой маленький эпизод произошел в жизни наших земляков несколько веков назад. К сожалению, мне в Государственном архиве Тульской области не удалось найти дальнейших сведений о героях этого исторического очерка. Остается надеяться, что злодеи понесли заслуженное наказание, а пристав Иван Ярой и староста Тит Трунов за раскрытие особо опасного преступления пошли на повышение. Впрочем, это уже совершенно другая история.

Валерий Маслов
(г. Тула)

ПРОВИНЦИАЛКА

Автор 34 книг, изданных не только в России, но и за рубежом. Заслуженный работник культуры России, председатель Тульского Фонда поддержки творческой интеллигенции, руководитель Тульского отделения литфонда, председатель межрегионального Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова..

Алла получила приглашение в Москву совершенно неожиданно: бывший одноклассник, которого прописал у себя дядя, просил приехать в гости. Девушка согласилась, не раздумывая: ей уже двадцать, а она, победительница городского конкурса красоты, до сих пор в провинции. «Мисс города» много чего обещали местные бизнесмены. Но Алла не дура, она смотрит «Жизнь Барвихи» и другие жизненные сериалы про богатых людей, и твердо знает: чтобы все это иметь, надо жить только в столице.

Название ее городка за сто первым километром от Москвы очень громкое — Новомосковск. Но от этого Новой Москвой он так и не стал. Обычное захолустье, где могут транжирить красоту и молодость только лохи. Выйти за москвича и обрести желанную регистрацию — вот единственная возможность получить настоящую жизнь.

Надо сказать, что данные для превращения Золушки в принцессу у Аллы были. Училась она отлично, обладала острым умом, умела достичь поставленных целей, а к своему совершеннолетию еще и расцвела физически. Точеная фигурка, нежная, упругая кожа, роскошные волосы и, к тому же, великолепный здоровый румянец во все щеки. Словом, Алла давно готова на подвиги, нужен только случай. И вот он представился: влюбленный в Аллу Сергей в свое время был отвергнут, как неподходящий жених. Теперь же, студент Московского государственного университета, прописанный у богатого дяди, казался ей принцем, которого нельзя упускать.

С Павелецкого вокзала столицы к квартире дяди Сергея на Тверской улице Алла добралась удачно: таксист, вожделенно поглядывая на привлекательную девушку, не стал брать с нее деньги. Но она быстро охладила его пыл, когда снисходительно улыбнулась и вышла из машины. Но в квартире родственников одноклассника ее одолела робость: сумрак длинного коридора, уходящего вдаль, высоченные потолки, которые, казалось, подпирают небо, огромная кухня, заставленная старинной мебелью — все это заставляло восхищаться и удивляться ненужной расточительности москвичей.

Сергей и его дядя гостью ждали. На кухне накрыли стол, перед каждым поставили старинные бокалы богемского стекла и фарфоровые тарелки Санкт-Петербур-

ского императорского завода. Из огромной супницы разлили наваристый борщ, налили вина. Гост взялся произнести Аполинарий, молодожавый породистый мужчина с лихо закрученными изящными усиками:

— Жизнь состоит из еды, сна и проблем! — торжественно провозгласил он.— Так вот, чтобы проблем не было, надо вкусно есть и чтобы было с кем спать!

Алла заметила, что дядя как-то по-особенному поглядывает на нее, словно портной, который снимает мерки. Он был красноречив и сыпал остротами. Затем повернулся к маленькому ломберному столику, на котором стоял музыкальный центр и включил его:

— Это ранний Высоцкий. Класс: талантливо и правдиво! Особенно это: «И невеста вся в прыщах — созрела, значит!» Или «Сидим, вдвоем играем в дурака. И кто из нас кого троих дурее, не угадали мы еще пока!» Нравится, Аллочка?

Алле показалась в его вопросе скрытая издевка, особенно в намеке на созревшую невесту. И она твердо произнесла:

— Нет, не нравится.

Аполинарий не смутился и тут же поставил другой диск. Зазвучали приятная музыка и красивый хрипловатый голос.

— Леонардо Коэн. Он нравится всем женщинам. Знаете его песни?

Она не слышала такого имени, но сделала вид, что понимает, о ком идет речь. Однако скрыть ей это не удалось:

— Не стесняйтесь признаваться в том, чего не знаете. Или лучше солгите,— весело произнес он.— Ложь принесла человечеству довольно много пользы. Все великие творцы были лгунами!

— И вы тоже? — неожиданно спросила Алла.

— Браво, девочка,— делаете успехи. Дайте я вас за это поцелую.

И он быстро, не дав опомниться девушке, наклонился к ней и смачно поцеловал в губы. Все было настолько неожиданно и стремительно, что Алла даже не подумала сопротивляться. Но тут не выдержал Сергей. Он вскочил, схватил гостью за руку и сказал:

— Пойдем: у меня есть кое-что поинтереснее, чем его Леонардо!

— Ну-ну,— иронично заметил дядя.— Покажи, на что способен! *Ars longa, vita brevis!*

— При чем здесь искусство? — не оборачиваясь, произнес Сергей.

— Притом, что путь его долог, а жизнь коротка,— пояснил Аполинарий.— Лови момент!

Алла чувствовала себя растерянной. Она догадывалась, что стала причиной ссоры племянника с дядей. Но на нее навалилось такое огромное количество новых впечатлений, что анализировать случившееся было некогда. Да и Сергей стал проявлять не совсем дружеские чувства. И, когда он в очередной раз попытался ее поцеловать, Алла произнесла:

— Надеюсь, в этой огромной квартире для меня найдется отдельная комната? Я устала с дороги.

Утром Алла проснулась раньше всех, прошла на кухню, перемыла посуду и приготовила кофе. Вскоре, с виноватым видом, появился Сергей. Они сели за стол и стали завтракать. За окном гудели машины, холодный зимний ветер раскачивал покрытые серебристой коркой льда ветки деревьев, а в просторной кухне было тепло, уютно и очень приятно пахло хорошим кофе. Сергей рассказывал подруге план посещения музеев, и Алла улыбалась, предвкушая знакомство с шедеврами мировой классики.

Но тут появился Аполинарий. Он был гладко выбрит, свеж и распространял вокруг запах хорошего французского одеколona. Алла невольно втянула ноздрями не-

обычайно возбуждающий аромат и закрыла глаза. Когда она их открыла, то увидела протянутую ей изящную коробочку:

— Конечно, лучше, чем естественный запах молодого женского тела, ни природа, ни человек ничего придумать не смогли. Но я все же рискну подарить тебе классику французских духов — «Шанель» номер пять.

— Бойтесь данайцев, дары приносящих,— неожиданно произнес Сергей.

— О, как влияет московский климат на провинциалов,— небрежно проронил дядя Сергея.— Уже цитируем Евангелие. Людям свойственно думать о себе лучше, чем они есть на самом деле.

— Я это не возьму,— поддержала Сергея Алла.— Не хочу никому быть обязанной. Вам кофе налить?

— Конечно! Самый божественный напиток из тех, что подарила нам природа. Кстати, какие у вас планы на сегодняшний вечер?

— Мы решили пойти в Третьяковку и музей имени Пушкина,— ответил за Аллу Сергей.

— Похвально. Но музеи могут и подождать. А что вы скажете на это? Приглашительные билеты в телестудию Первого канала на съемки популярной программы «Поле чудес»!

— И нас покажут по телевизору? — наивно поинтересовалась Алла.

— Конечно, я хорошо знаком с ведущим. Он обещал, что покажет твое прекрасное лицо крупным планом. Я ему шепнул, что ты — фотомодель. Он заинтересовался: есть шанс попасть на телевидение. Ну, как: идете?

— Конечно, пойдём! — поддержал Сергей дядю.— Мои друзья-студенты готовы на все, чтобы попасть на эти съемки!

— А тебе, к сожалению, придется остаться,— констатировал дядя.— У меня только два билета.

— Я согласна,— сказала Алла и почувствовала себя предательницей. Но лишь на короткое время: молодость эгоистична и раскаяние ей не свойственно.

Поздним вечером, когда они вернулись из телестудии, в квартире их ожидал сюрприз: на кухне сидела непричесанная, одетая в мешковатую кофту и брюки женщина и нервно курила тонкую длинную сигарету.

— Это кто? — не стесняясь, спросила она Аполинария.

— Знакомьтесь: Алла, подруга Сергея. А это...— неловко замялся он,— моя сестра Валерия.

— Все люди братья и сестры,— произнесла хриплым голосом женщина.— А почему она не с Сергеем?

— Потом объясню. Ты надолго?

— Меня выперла из квартиры мама, так что поживу. Надеюсь, эта фря не в моей комнате?

— Комнат у нас, слава Богу, хватает.

— И откуда красавица?

— Из Новомосковска,— решила, наконец, вставить слово в родственную перепалку гостя.

— А, из провинции! Имеете виды на московскую недвижимость?

— Вызовите мне, пожалуйста, такси: я поеду домой.

— Не горячись: Лера так шутит. Она — прекрасная женщина. Есть два способа умирить ее, но никто их не знает. Уверен, вы подружитесь. А, знаешь, Лера, какой прекрасный кофе готовит Алла?

— Уже горячее,— смягчилась Валерия.— Если бы она еще мыла посуду...

— Это мое любимое занятие,— серьезно сказала девушка.

— Тогда мы уже друзья. Хочешь сигарету с ментолом? Прекрасно вставляет!

— Нет, ее ждет Сергей. Итак, чует мое сердце, он на дядю в обиде: ему не досталось билета,— сказал Аполинарый, и, галантно поцеловав девушке руку, подтолкнул в направлении ее комнаты.

Алла легла в кровать и стала вспоминать подробности телесъемки. Вдруг дверь комнаты с легким скрипом открылась, и кто-то тихо прошмыгнул в нее.

— Это ты, Сергей?

Тень не ответила, но моментально оказалась в постели рядом с девушкой. Горячее тело прильнуло к Алле, и та чуть было не поддалась мгновенному порыву. Но быстро вскочила и прижала к груди подушку.

— Дядя?! Вы что здесь делаете?!

— Я... хочу тебя. Я сделаю тебя счастливой!

— Может, для начала вы сделаете меня женой?

Аполинарый молчал лишь несколько секунд. Затем страстно зашептал:

— Да, ты будешь моей королевой! Мы распишемся. Ты станешь москвичкой и хозяйкой этой квартиры. Согласна?

И, не дожидаясь, пока гостья ответит, он повалил ее на постель и стал жадно целовать. С каждым поцелуем и вздохом сопротивление девушки все больше ослабевало. Наконец, они слились в едином порыве страсти, когда властвуют только чувства.

Утром Алла напрасно ждала Аполинария к столу. Вместо него на кухне появилась Валерия. Она холодно кивнула гостье, заварила себе кофе и, только когда наслаждалась бодрящим напитком, сухо произнесла:

— Чувствуешь себя хозяйкой? Напрасно — я его жена.

— Как?! Вы же сестра!

— Муж попросил, пока ты здесь, побыть его сестрой. Впрочем, не волнуйся: мы давно не спим вместе.

— А Сергей? Почему он молчал?!

— А ты? Почему не спешишь рассказать ему о бурной ночи с моим мужем?

— Врете — вы ему не жена. Он мне обещал!

Валерия брезгливо взглянула на соперницу и молча вышла из кухни.

Алла посидела пару минут и вдруг, словно вспомнив нечто важное, побежала в комнату Сергея. Он еще не встал и встретил одноклассницу недоуменным взглядом. Но гостью это не смутило. Она села на кровать, затем наклонилась к парню и поцеловала в губы.

Сергей сначала напряженно отстранился, затем притянул Аллу и стал иступленно ласкать. Сорвал с девушки кофточку, повалил на кровать, но тут Алла совершенно спокойно произнесла:

— Сначала ЗАГС, затем постель.

— Но...

— Ты любишь меня?

— Да, еще с пятого класса!

— Тогда собирайся и бери паспорт. В ЗАГСЕ скажем, что я беременна: так быстрее распишут. А пока будешь оформлять документы, я поживу дома. И просьба: не рассказывай родственникам — думаю, они не очень обрадуются.

На этот раз Сергей встречал Аллу на вокзале. Он протянул цветы, поздравил с законным браком и показал паспорт, в котором стоял заветный штампик.

— Ну, вот,— удовлетворенно произнесла девушка.— Теперь я — не провинциалка.

— Да это не главное,— радостно произнес Сергей.— Мы будем неразлучны!

— Может, с милым и рай в шалаше, но я в этом не уверена. Нам еще надо решить с твоими родственниками главное — квартирный вопрос.

В доме на самой престижной и дорогой улице столицы ее встретили враждебно. Лишь Аполинарий смотрел на красивую девушку с нескрываемым вождением. С него Алла и решила начать. Она зашла в комнату нового родственника и откровенно спросила:

— Ты хочешь по-прежнему быть со мной?

— Спрашиваешь! Да и Сергей в постели дяде проиграет: муж — это то, что осталось от любовника после удаления нерва.

— Тогда только одно условие: я хочу получить долю от этой квартиры.

— Согласен,— пылко произнес родственник и кинулся обнимать девушку.

Но она холодно отстранилась.

— Больше я не глупая провинциАлка,— сказала девушка с ударением на начальную букву «А» в своем имени.— Сначала деньги, потом — стулья.

— О! — с удивлением произнес родственник.— Девушка умнеет на глазах. Цитаты знает. Безнравственность — это мораль тех, кто живет лучше других. Впрочем, к делу! И он вновь обнял Аллу, покрывая ее лицо поцелуями.

— Закрой хотя бы дверь!

Родственник кинулся к двери комнаты, щелкнул замком и вновь занялся привычным делом. Они уже лежали голыми в постели, как дверь внезапно распахнулась, и в комнату ввалились Валерия и Сергей.

— Так вот ты какая! — горестно произнес Сергей.— А я не верил! Значит, тебе была нужна квартира, а не я? Ну, смотри!

Он достал из кармана пиджака паспорт Аллы, вырвал из него страничку со штампом о регистрации брака и кинул ей в постель.

— Это ничего не изменит,— холодно отреагировала Алла.— Я восстановлю документ — наш брак зарегистрирован. Я — твоя жена, и часть этой квартиры по закону моя!

— Ошибаешься, дорогая,— презрительно процедила сквозь зубы Валерия.— Мы предусмотрели этот случай. Сергей отозвал из ЗАГСА свое заявление.

— А штамп регистрации брака?! Мне же муж показал его на вокзале!

— Это — фальшивка. Сейчас можно подделать хоть удостоверение самого Господа Бога. Так что выметайся из нашей квартиры и не порти судьбу Сергея.

— Ну, уж нет! С паршивой овцы хоть шерсти клок: дядя мне тоже нравится!

Услышав эти слова, Аполинарий поспешно выскочил из кровати, мгновенно собрал одежду и выбежал из комнаты со словами:

— Она запросила слишком дорогую цену: в Москве проститутки дешевле.

На улице начиналась весна, и в раскрытую форточку влетал свежий, бодрящий ветер, напоминающий, что жизнь, несмотря на все ее перипетии, продолжается.

Елена Богданович
(г. Алексин)

ИЕРУСАЛИМСКИЙ ПИРОГ

Елена Алексеевна Богданович. Родилась в 1968 в городе Алексине Тульской области. Имеет высшее техническое и экономическое образование. Всю жизнь живет и работает в Алексине.

В кабинете, рассчитанном на троих, сидели и трудились на благо отечественной статистики пятеро. Как они туда втиснулись, оставалось загадкой даже для них самих. Сидели не то чтобы дружно, но спокойно, почти не замечая друг друга. Был среди них и мужчина — Владик. Женщины настолько привыкли к нему, что в его присутствии спокойно подтягивали колготки и поправляли лифчики. Владика было около тридцати пяти лет. Он был холост. Жил где-то на краю города один в однокомнатной квартире, в которой вырос не только он, но и его отец.

После окончания института Владик даже не успел растеряться, как уже оказался пристроенным папой в городской отдел статистики (временно, чтобы осмотреться). Отец вскоре умер, за ним и мама, а Владик из-за своей врожденной скромности все никак не решался пойти попросить повышения или начать искать новую работу. Так и сидел в левом углу кабинета возле сейфа, от которого уже давно был потерян ключ. Сейф не выносили из кабинета, потому что боялись, что на освободившееся место втиснут еще один стол, а значит и еще одного сотрудника.

Верочка сидела напротив Владика. Она была хохотушкой. Когда Верунчик впервые появилась на рабочем месте, то Владик мгновенно влюбился в нее, сильно покраснел и не смел полгода смотреть в ее сторону.

Со временем Верочка сделалась доброй подругой. Точнее Владик стал для нее верной подругой, потому что Вера делилась с ним всем самым сокровенным, — и когда она познакомилась с Николаем, и как ей понравился Артем, и какво ей было при расставании с Мишей, и о том, что Василий сделал ей предложение и как она его приняла. Даже о том, что Верочка беременна, Владик узнал на полчаса позже, чем сама Верочка (полчаса — это время на дорогу от женской консультации до работы).

Владик переживал, что Вера не разглядела, не поняла его души. А ведь у них была бы дружная семья, двое, а может быть, даже трое детей, а впоследствии огромное количество внуков.

Время шло, Верунчик располнела, и, как все замужние женщины, пыталась с завидной настойчивостью познакомить Владика с очередной замечательной девушкой, со временем — с замечательной женщиной, а по прошествии еще нескольких лет — с замечательной женщиной, имеющей очаровательного ребенка. С такой же завидной настойчивостью Владик пресекал все эти попытки. Он патологически стеснялся идти на первое свидание, а без первого никогда не бывает второго. И потом любовь — это

чудо. И только с такой любовью надо создавать семью. А эти знакомства. Нет, это слишком прозаично.

В конце рабочего дня Веруня вбежала в кабинет с поллитровой банкой и аккуратно поставила ее на тумбочку. Женщины не заставили себя ждать и тут же поинтересовались, что такое она принесла. Верочка с улыбкой рассказала, что Люся из парикмахерской дала ей тесто для «иерусалимского пирога» и зачитала рецепт. «1-ый день — тесто привыкает к дому. 2-ой день — добавить 1 стакан муки, 1 стакан сахара, 1 стакан молока. 3-ий день — тесто не трогать. 4-ый день — те же продукты, что и во 2-ой день. 5-ый день — тесто разделить на 4 части. 3 части раздать добрым людям с рецептом. В 4-ю часть добавить 3 яйца, $\frac{1}{4}$ часть стакана сахара, 1 стакан муки, $\frac{1}{4}$ ложки растительного масла, $\frac{1}{2}$ чайной ложки соды. Размешать, выпекать 30—40 минут при температуре 200 градусов. Есть всей семьей, никого не угощать, ломать руками». И уже от себя Верочка добавила, что прежде чем начать есть нужно что-то пожелать, очень важное. И желание обязательно сбудется.

У Владика в горле пересохло. Вот оно. ЧУДО!

На пятый день Веруня притащила пол-литровую банку для Светки из соседнего кабинета, но та заболела и не пришла. Верочка расстроенная сидела за столом и совершенно не знала, что ей делать, ведь надо пристроить третью часть теста доброму человеку, или хотя бы кому-нибудь. Владик с грустным лицом сидел напротив. Верочка с осторожностью предложила Владiku тесто, а тот, краснея от радости, не отказался.

Владик строго по рецепту добавлял нужные ингредиенты, перемешивал и выпес-товывал свое желание — добрая, милая, нежная, заботливая, красивая, стройная, любящая, спокойная, верная.

На пятый день Владик достал из духовки пирог и положил на стол остывать. Чтобы не было томно сидеть и ждать, когда пирог остынет и его можно будет разломить и начать есть, Владик включил радио. Он с большим удовольствием включил бы телевизор, но тот уже полгода как сломался, а набрать необходимую сумму на новый еще не удалось. Передавали песни по заявкам радиослушателей. Потом пошел блок новостей. Пирог ждал. Желание ждало. А Владик уже не мог ждать. Чтобы ничто не отвлекало от формулирования желания, он решил выключить радио, но замер. Радио вещало: «По данным статистики...,— Владик любил свою работу, и все, что касалось статистики, ему казалось священным,— ...а бедные слои населения составили 18 %. Вчера в Красноярске прошел форум молодых...» Владик выключил радио и потянулся к пирогу, отломил от него кусочек и поднес ко рту. Запах был нежным, каким-то добрым и успокаивающим. Слезы навернулись на глаза, а в горле застрял комок невысказанных чувств. И Владик решил, что настал момент в его жизни свершить что-то важное и главное. Он откусил от пирога и подумал: «Желаю, чтобы в нашей стране больше не было бедных».

На следующий день из двенадцати работников городского отдела статистики пришли только трое. Владика среди них не было. Ведь он был из бедных.

